

РУССКО-ИРАНСКИЕ КОНТАКТЫ (ДО КОНЦА XVI в.)

П. П. Бушев

Народы Ирана и Древнерусского государства издавна вели между собой торговлю. «Именно торговые отношения,— утверждал акад. В. В. Бартольд,— сблизили русских с народами Востока»¹. Благодаря выгодному географическому положению Руси через ее территорию проходили торговые пути во многих направлениях. Один из таких путей, Каспийско-Балтийский, связывал по Волге северные и западные европейские страны с Востоком. В «Книге путей и государств» (IX в.) арабского ученого Абдуль-Касума сказано, что «кушцы русские ходят на кораблях по реке... Волге» от хазарской столицы (Итиля) «к морю Джурджана» (город около р. Джорджан, ныне Горган). «Иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад»². «Лисий и бобровый мех из самых отдаленных [краев] страны славян» доходил до Рея³ (Рага) — одного из крупнейших торгово-ремесленных центров X—XII вв., расположенного близ Тегерана. Главным направлением связи древних русов с Востоком был Волжско-Каспийский водный путь. С незапамятных времен по нему осуществлялись не только «торговые, купеческие, но и более широкие русско-восточные международные связи»⁴, — писал Б. Н. Заходер. По свидетельству арабского географа и путешественника Ибн-Руста, русы продают на Востоке «собольи, беличьи и другие меха. Плату же, получаемую деньгами, завязывают накрепко в пояса свои»⁵. До нашего времени дошли, отмечал В. В. Бартольд, «вещественные следы этих торговых сношений в виде многочисленных кладов восточных монет, найденных в пределах России до Балтийского побережья и даже в Скандинавии. Монеты исключительно серебряные (дирхемы), они относятся к периоду от VIII до начала XI вв.»⁶. Клады монет обнаружены в землях славянских племен: полян, северян, вятичей, кривичей и новгородских словен, реже встречаются в землях дреговичей, радимичей и волынян⁷.

В XI, отчасти XII вв. торговля с Востоком по-прежнему поддерживалась, несмотря на нашествие половцев, заполнивших южные степи и Поволжье и отрезавших районы Каспийского моря от Древней Руси, поскольку половцы пропускали через свои территории купцов с товарами, так как признавали «неприкосновенность торгового каравана даже во времена военных столкновений»⁸. После падения Хазарского каганата (конец X в.) и вплоть до нашествия татаро-монголов роль центра торговли с Востоком была за Киевом. Он превзошел Итиль «как обширностью торговых операций,

¹ В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку. 1925, стр. 71.

² Цит. по: М. Тебенёков. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искандер-Наме» Низами как источник для характеристики этих сношений. Тифлис. 1896, стр. 12, 13; П. П. Мельгунов. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М. 1905, стр. 22.

³ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М. 1967, стр. 85—87.

⁴ Б. Н. Заходер. Из истории волжско-каспийских связей Древней Руси. «Советское востоковедение», 1955, № 3, стр. 117.

⁵ «Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах... перевел и объяснил Д. А. Хвольсон». СПб. 1869, стр. 35, 36.

⁶ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л. 1925, стр. 165, 166. Древние клады сосредоточены преимущественно на южном (славянском) побережье Балтики (см. В. М. Потин. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.) «Исторические связи Скандинавии и России». Л. 1970, стр. 66—68).

⁷ Б. А. Рыбаков. История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Материальная культура. М.-Л. 1951, стр. 335—336.

⁸ А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». Ч. 1. Л. 1932, стр. 28.

так и разнообразием их». Пять магистральных торговых путей пересекали Киев. По одному из них, что выходил к Тмутаракани, шли товары из «Персии, Китая и Индии, доставляемые в Матарху и Тмутаракань»⁹. Русь в X—XIII вв. вела торговлю «на дирхемы с Багдадским халифатом и государствами, возникшими после его распада»¹⁰.

Монголо-татарское нашествие, сопровождавшееся истреблением народов, несшее с собой невиданные разрушения и уничтожение производительных сил, в том числе в Иране и Древней Руси, резко и надолго ослабило экономические связи Руси со странами Востока. Хотя перерыв в торговле между ними был значительным, впоследствии экономические связи возродились с новой силой. Правда, центр тяжести торговли переместился из Юго-Западной Руси в Северо-Восточную, Владимирскую. В XIV—XV вв. торговые отношения проходили по новому торговому пути — от Твери до Астрахани и далее в государства Иранского плато, Среднюю Азию и Индию. В освоении этого пути особая роль принадлежала русским купцам великих княжеств Тверского и Владимирского. Общеизвестно «хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина в 1466—1472 годах.

То было время активного искания русскими новых путей на Восток и намечавшихся встречных торговых связей. В 1327 г. Тверь посетили «хопыльские гости»¹¹, а во второй половине XV в. сюда пожаловали послы «от Шаврукова царства», привезшие шелковые и другие материи¹². Русских же купцов можно было встретить в это время в Самарканде. Имеются известия и о том, что «русския полотняныя изделия господствуют на среднеазиатских рынках и даже в... городе Деди»¹³. Интересен один из примеров поиска таких торговых связей: купец из Шираза Хаджа Шамса ад-дин Мухаммед в 1438 г. посетил Поволжье и, закупив там разные товары, получил 300% прибыли при покупке-продаже 10 тюков русского льняного полотна по сравнению с 66% за европейские сукна. Свои же товары он продал в Сарая на Волге со средней прибылью в 50%¹⁴.

Во второй половине XV в. экономические и политические связи Русского государства с мусульманскими странами усиливаются. Различные миссии — и дипломатические и торговые, снабженные от своих государей грамотами, изъявляли желание установить дружбу и свободную торговлю с русскими, которые также стремились к этому. В 1464—1465 гг. русские послы прибыли в Герат к тимуриду Султану Абу Саиду, правителю Мавераннахра и Хорасана, «с выражением любви и желания дружбы»¹⁵. В 1465 г. в Москву прибыло посольство Гасан-бека от Фарруха Яссара, азербайджанского ширван-шаха, владельца Шемахи и Баку. В ответ Иван III отправил на следующий год в Шемаху посольство В. Папина с богатыми подарками¹⁶. Вместе с посольством в Шемаху были посланы русские купцы с товарами. Среди них был и Афанасий Никитин, проехавший из Шемахи через Баку и Иран в Индию¹⁷. По свидетельству венецианских купцов-дипломатов А. Контарини и Дж. Барбаро, они встретили в Тебризе в 1475 г. посла от Ивана III — Марко Руфа, или Росса, который «впоследствии возглавлял русское посольство в Шемахе»¹⁸. Русские летописи, к сожалению,

⁹ А. Сплицын. Торговые пути Киевской Руси. «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову». СПб. 1911, стр. 236, 246, 247.

¹⁰ В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, стр. 7.

¹¹ По мнению чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова, это кабульские купцы. М. Н. Тихомиров разделял эту точку зрения (М. Н. Тихомиров. Средневековая Россия на международных путях. М. 1956, стр. 112).

¹² Там же, стр. 111, 112; Н. П. Лихачев. Инок Фомы слово похвальное о благоверном князе Борисе Алексеевиче. СПб. 1908, стр. 37, 38.

¹³ П. П. Мельгунов. Указ. соч., стр. 114.

¹⁴ Б. Н. Заходер. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. «Краткие сообщения» Института востоковедения АН СССР, № XIV, 1955, стр. 14—19.

¹⁵ В. Тизенгаузен. Первое русское посольство в Херате. «Записки» Восточного отдела Российского императорского археологического общества (ЗВОРАО). Т. 1. СПб. 1886, стр. 30; А. Чулошников. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». Ч. 1, стр. 61.

¹⁶ «Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел Сергеем А. Белокуровым». Вып. 1 (1578—1613). М. 1889, стр. XII.

¹⁷ «Хождение за три моря». М.-Л. 1958.

¹⁸ В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1, т. 1. СПб. 1836, стр. 8; И. П. Петрушевский. Государства Азербайджана в XV в. «Сборник

не отметили это посольство, но указали на прибытие в Москву в 1490 г. посла от хорасанского правителя с предложениями московскому государю «дружбы и любви»¹⁹. Однако торговля России с прикаспийскими странами, в том числе и с народами, проживавшими на территории современного Ирана, до конца XV в. была все же незначительной. Только в начале XVI столетия из Москвы на юго-восток отправляются первые большие караваны с товарами.

Василий III и Иван IV проявляли явный интерес к Сефевидскому государству, в состав которого входила и территория современного Ирана. Судя по документам, имеющимся в ЦГАДА, крымский хан сообщал турецкому султану Сулейману I, что в 1521 г. в Москву прибыло посольство от шаха Исмаила I, которое получило от московского государя «пушек много и мастеров и доспехов»²⁰. Обмен дипломатическими миссиями между Русским и Сефевидским государствами в ранге послов произошел лишь в 1552—1553 годах. Однако дипломатические сношения между ними «несомненно существовали и ранее»²¹, — свидетельствует знаток московского посольского архива С. А. Белокуров.

Во второй половине 1552 г. шах Тахмасп I послал к Ивану IV Сеида Хосейна для установления дипломатических отношений с Москвой. Сефевидский посланник привез грамоту, которая разрешила «свободно ходить послам на обе стороны»²². У шаха были достаточно веские мотивы, чтобы искать себе союзника в лице царя. К тому же побуждали его завоевательные действия турок. Захват султаном Ширвана и побережья Каспийского моря давал выход татарской коннице крымского хана — вассала турецкого султана — в тыл сефевидской армии через Северный Кавказ и Терек на Дербент. Чем закончились переговоры Сеида Хосейна в Москве, неизвестно, так как материалов о них не сохранилось. Можно лишь предполагать, что в преддверии завоевания Казани и Астрахани (1552—1556 гг.) московское правительство благожелательно отнеслось к инициативе шаха, но, очевидно, воздержалось от далеко идущих предложений из опасения испортить отношения с турецким султаном и крымским ханом.

И все же Русское государство живо откликалось на активизацию отношений с Ираном. Кроме того, после завоевания Казани и Астрахани Волжско-Каспийский путь становится в руках Москвы средством непосредственного общения с народами Прикаспия. Ширванский правитель Абдулла-хан обменивался посольствами с Москвой²³. Торговля между Русским и Сефевидским государствами набирала силу, и особенно активно она велась в Астрахани. Н. М. Карамзин писал по этому поводу: «Иван Черемиснов (в июле 1557 г.) сообщал, что пришли гости из Шамахеи, Дербени, Шевкал (из Дагестана), Тюмени, Юргенчи (Хива. — П. Б.), Сарайчика (Сарай Малый. — П. Б.) со всякими товарами. Да пришли из Асторохани ж послы от Крымшевкала (наследник шамхала. — П. Б.) и от всей земли Шевкальские, да от Тюменского князя с поминки (дары) бить челом, что [бы] государь велел им быти в своем имени и в холопстве у себя учинил»²⁴. Несмотря на заключенный в 1555 г. ирано-турецкий мирный договор, в Иране понимали, что рано или поздно предстоит новая война с Турцией, и искали союзников. Сефевидские правители завязывали контакты с английскими купцами, проникшими в их государство по Волжско-Каспийскому торговому пути из России. Очевидно, ту же цель преследовало прибывшее в Москву в ноябре 1563 г. посольство от Абдуллы-хана, сводного брата Тахмаспа I. Результаты переговоров неизвестны, но

статей по истории Азербайджана». Вып. I. Баку. 1949, стр. 173; «История Азербайджана». Т. I. Баку. 1958, стр. 207.

¹⁹ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. VI. СПб. 1853, стр. 38.

²⁰ Цит. по: Е. П. Кушев. Положение Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. «Исторические записки». Т. 34. 1950, стр. 246.

²¹ «Сношения России с Кавказом», стр. XII.

²² Н. М. Карамзин. История государства Российского. Кн. III. СПб. 1845, гл. II, прим. 256, стб. 52.

²³ А. Гусейнов. Азербайджано-русские отношения XV—XVII вв. Баку. 1963, стр. 116; И. П. Петрушевский. Азербайджан в XVI—XVII вв. «Сборник статей по истории Азербайджана». Вып. I, стр. 267, 268; В. Восканян. Ново-торговый устав и договор с Армянской торговой компанией в 1667 г. «Известия» АН Армянской ССР, 1947, № 6, стр. 36.

²⁴ Н. М. Карамзин. Указ. соч. Кн. II, т. VIII. СПб. 1842, стб. 139; гл. VIII, прим. 415, стб. 60.

они, видимо, не могли быть существенными, так как внешнеполитическая обстановка была неблагоприятна для активизации политики Русского государства на юго-востоке страны: в Ливонскую войну вступили тогда Польша и Швеция. К тому же крымские татары почти ежегодно совершали набеги на русские земли. В таких условиях московское правительство не могло и думать о каких-либо политических акциях на юге, например, на Северном Кавказе, чтобы не настроить против себя Турцию. Лишь в начале 1567 г. Москва удовлетворяет просьбу черкасского посольства Мазлова от «князя Темгрюковича», шурина Ивана IV, о постройке на Тереке города-крепости «для бережения от недругов».

Летом 1567 г. Иван IV направил к Сефевидам в Гурмыз²⁵ купцов Д. Ивашева и Ф. Першина с товарами и с грамотами «о береженье». Однако эта коммерческая разведка, не случайно совпавшая во времени с постройкой передового военного форпоста на реке Терек, закончилась неудачей: один из купцов умер в дороге, второй — в Казвине. В определенной связи с этой операцией Ивана IV находится повторная попытка Тахмаспа завязать дипломатические отношения с Русским государством. К этому его побуждала все возрастающая агрессивность Османской империи. Кроме того, Турция готовилась к походу на Астрахань с тем, чтобы отрезать Русское государство от Волги и Каспийского моря. Осуществление таких планов создало бы угрозу и Сефевидскому государству: турецко-крымские войска легко могли бы проникнуть через Северный Кавказ в Дагестан и Ширван. Подтверждается это, в частности, донесением одного из русских послов в Турции, Мальцева. Сообщая о походе татар и турок на Астрахань в 1569 г., Мальцев писал также об иранском посольстве 1568 г.: «Кизылбашский шах присылал ко царю нашему бити челом послов своих: турецкого [султана] люди мимо Асторохани дороги ко мне [в Иран] ищут, и ты бы, великий государь, сильною своею высокою рукою помочь учинил на турецкого, и государь наш кизылбашского шаха пожаловал, послал к нему посла своего Олексея Хозникова, а с ним 100 пушек, да 500 пищалей»²⁶. Факт переговоров Москвы с иранским послом в 1569 г. подтверждает и французский поверенный в делах в Турции²⁷. Это ответное посольство Хозникова отправилось в путь 14 мая. То была существенная помощь Ирану, так как его армия тогда почти не имела огнестрельного оружия.

После отбитого турецкого наступления на Астрахань в сентябре 1569 г. нажим на Москву производился и через Крым и дипломатическим путем. 24 мая 1571 г. Девлет Гирей сжег Москву. Турки требовали от Ивана IV возратить не только Астрахань, но и Казань, а также срыть город-крепость на Тереке. О результатах пребывания посольства Хозникова в Сефевидском государстве сведений не сохранилось. Если он и доехал до Казвина, то переговоры далее заверений в дружбе со стороны шаха не пошли. Престарелый Тахмасп после мира 1555 г. придерживался политики осторожной, почти трусливой обороны. Весной 1578 г. Турция начала очередную войну против Сефевидского государства. Захватив Шемаху осенью того же года при содействии татарской конницы Адиль Гирея, прорвавшегося через Терек в Северный Иран, турки серьезно угрожали не только Сефевидам, но и Русскому государству. «Одной из задач Турции на этот раз был захват Закавказья и западного Каспийского побережья, отчасти для того, чтобы овладеть волго-каспийским путем, превратившимся в важную торговую артерию»²⁸.

В Москве приняли меры к тому, чтобы предотвратить проникновение турецких и татарских войск из Крыма в Северный Иран через Терек. В 1578 г. были восстановлены срытые в 1571 и 1572 гг. по требованию турецкого султана город-крепость на Тереке и военный острог на реке Сунже²⁹, а их гарнизонам приказано не пропускать в Иран и обратно турецкие и татарские войска. В том же году русская рать и гребенские казаки уничтожили на Сунже и Тереке остатки 15-тысячного корпуса

²⁵ Гурмыз — Ормуз, остров в Персидском заливе.

²⁶ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. I. М. 1946, стр. 88.

²⁷ Д. С. Лихачев. Путешествия русских послов в XVI—XVII вв. М.—Л. 1954, стр. 379, 380.

²⁸ Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века (далее — «История Ирана с древнейших времен»). Л. 1958, стр. 265.

²⁹ В. Б. Виноградов, Т. С. Магомедова. Где стояли сунженские городки? «Вопросы истории», 1972, № 7.

конницы Адиль Гирей, пытавшейся возвратиться в Крым. В 1583 г. турецкие войска предприняли неудачную попытку прорваться из Крыма в Иран через Терек.

Мы не располагаем данными о последующих дипломатических связях Ирана с Москвой, что, однако, не может свидетельствовать об их отсутствии. Из отрывочных сведений, сообщаемых Н. М. Карамзиным, следует, что в последние годы своего правления Иван IV «угощал послов шаха Персидского, Султанова, Бухарских, находясь в тесном дружестве с преемником Та[х]масовым, Годабеном (шах Ходабене. — П. Б.), как с неприятелем опасной для нас Оттоманской империи»³⁰. Так постепенно складывались дипломатические и торговые связи Ирана и Русского государства до 1586 г. — года установления регулярных политических отношений между двумя странами. В основу взаимоотношений Русского и Сефевидского государств была положена обоюдная политическая, а также торговая заинтересованность. Оба государства в 80-е годы XVI в. оказались в тяжелом положении перед лицом общего врага — Османской империи и Крымского ханства — и искали поддержки друг у друга.

Во второй половине 1586 г. шах Ходабене послал в Москву своего приближенного Анди-бека. Последний не смог воспользоваться летней навигацией и прибыл в Астрахань только летом 1587 г., а в Москву — осенью или в начале зимы того же года. По прибытии в столицу Анди-бек предложил царю Федору Ивановичу «изгнать турков из Баки и Дербента, обязываясь уступить нам в вечном владении сии издавна персидские города, если и сам [шах] возьмет их»³¹. Об этом свидетельствуют и архивные документы³². В деле о русском посольстве Г. Б. Васильчикова, отправленном к шахскому двору в ответ на миссию Анди-бека, в его Статейном списке³³ есть записи бесед с Анди-беком. Васильчиков отмечал, что шахского посланца Анди-бека хорошо приняли в Астрахани и взяли на полное иждивение: «Ему государево жалованье, корм давали в Асторохани доволен ...и [там] ему [за]держанья никоторого не было...». При отправке же его в Москву снабдили всем необходимым, в том числе «и подводы и провожатые [были ему] готовы»³⁴. Провожатых, очевидно, оказалось недостаточно, и караван судов, с которым следовал Анди-бек, был на Волге ограблен. Событие для тех времен заурядное. Охранять караваны судов приходилось отрядами в 1 тыс. и более стрельцов, что не всегда спасало от ограбления, так как суда растягивались по реке, и охрана не могла подоспеть вовремя. Шахские подарки царю Федору и имущество Анди-бека пропали. За все это, отмечал Васильчиков, царь повелел Анди-беку «в тридцатеро заплатить, а казаков вол[ж]ских за тебя казнити болши четырехсот человек»³⁵.

Московские власти (в этом случае и в последующем) с почетом и вниманием относились к иранским дипломатам, карая за нарушения неприкосновенности дипломатического суверенитета и щедро возмещая им материальные потери. В городах, через которые проезжал Анди-бек, ему оказывали «такие почтивости... [какие] государь наш никоторых великих государей послом и посланником... никому не показывал... встречи ему были великие и с платьем государь наш посылал встречу в дороге и не одинаво»³⁶. Встречи и приемы шахских послов происходили по московскому дипломатическому церемониалу — весьма пышно и торжественно. При въезде в Москву шахских послов встречал специально назначенный для обслуживания данного посольства пристав. При подъезде посольства он должен был, «не доезжая послов, послати от себя сына боярского, который [был бы] наряжен». Остановив послов, последний обязан был через толмача сказать послам: «Есть до вас речь государская, и они б сошли с лошадей..., а [приставу]... сойти с лошадей». После вопроса от имени царя о здоровье послов и о том, «здорово ли ... [они] дорогою ехали...», пристав сообщал, что он назначен к ним «быти в приставех и подворье вам указати...», после чего

³⁰ Н. М. Карамзин, Указ. соч. Кн. III, т. IX, гл. VII, стб. 246, 247.

³¹ Цит. по: Н. М. Карамзин, Указ. соч. Кн. III, т. X, гл. I, стб. 41, прим. 126, стб. 27.

³² ЦГАДА, ф. 77 («Сношения с Персией»).

³³ Статейный список — отчет посла в Посольский приказ — включал ответы посла на статьи данного ему наказа (инструкции). В него записывались не только переговоры посольства, но и все, что случалось с ним в стране и по дороге.

³⁴ ЦГАДА, ф. 77, оп. 1, 1588—1593 гг., кн. 1, лл. 84, 84об.

³⁵ Там же, л. 48об.

³⁶ Там же, лл. 104об., 105.

приветствовал послов и объявлял им, что присланы «аргамаки, на чем вам ехать». Встречавшие из числа приказных и детей боярских должны «до двора посольского... ехать по обе стороны дороги... [но так, чтобы] дороги бы у послов не переезжали». Поместив шахских послов на отведенном им дворе, приставу необходимо было убедиться, что послама «всего было много ныне³⁷, и ести б готово было часу к сему (седьмому.— П. Б.), чтоб им не долго, приехав на двор, мешкать, уставаясь за стол сесты»³⁸. Приставы находились по очереди на посольском дворе, где устанавливались также и дежурства боярских детей, дабы «жити безотступно... у ворот». Им вменялось в обязанность «беречь того, чтоб к послом и к их людем татарове и всякие иноземцы не приходили и от русских людей, чтоб нихто».

В объявленный заранее день аудиенции у царя за шахскими послами направляли приставов и переводчика Посольского приказа, из царской конюшни приводили лошадей с богато убранными серебром, золотом и драгоценными камнями седлами и уздечками. Впереди ехали послы и с ними приставы. «А стрельцы стояли с ручницами (пищальями.— П. Б.) от средней лесницы до Фроловских ворот и от Фроловских ворот площадью до Неглиментских (Неглинных.— П. Б.) ворот и до Тверской улицы». Въехав в Кремль, послы «сошли с лошадей у мостиков против казенные полаты среднего окна и шли... среднюю лестницею... А в сенех и в проходной полате и по крыльцу и по средней леснице были дворяне и дети боярские и приказные в золотном же платье». «А как послы взошли на переходы, и встречали их ис проходные полаты на рундуке... казначей... да дьяки... А государь... в те поры сидел в средней в подписной в золотой полате в царском платье и в диодиме (часть парадной одежды.— П. Б.) и в царской шапке. А при государе были в полате по правой стороне... и по левой стороне... [почетные гости], а от них сидели бояре и дворяне большие по местом все в золотном платье». Около царя стояли оруженосцы и телохранители («рынды») в белом платье и в «золотых чепях...». Послы представлялись дьяком царю, который «звал кызылбашских послов... к руке и клал... на послов руку»³⁹. Затем посол говорил речь, представлял грамоту и подарки. В заключение послов приглашали к царскому столу. Об аудиенции Анди-бека у царя Федора известно лишь то, что принят он был хорошо и «государь наш,— записал Васильчиков,— его пожаловал, звал к руке и руку на него положил»⁴⁰.

Из беседы Васильчикова с Махмуд Султаном от 11 ноября 1588 г. известно, что шах Ходабендэ послал в Москву грамоту, а устно поручил Анди-беку передать, «что великий государь [московский] ... был с Ходабенедем шахом в дружбе и в братстве и... в соединенье и на всех недругов стоял за один»⁴¹. В ответной царской грамоте к шаху (обычно повторявшей текст присланной грамоты) не говорится «о соединенье», а написано лишь, что шах хочет быть с царем «в дружбе и в братстве и в любви и в ссылке», то есть шах хочет установить с царем дружественные, добрососедские отношения. «Анди-бей речью говорил,— читаем в грамоте,— что отец твой [шах Ходабендэ]... взяв Дербень до Баку, хотел нам поступитися (уступить.— П. Б.)»⁴². Высказывалось также пожелание, чтобы шах «прислал своих великих послов». Они должны были «меж нас доброе дело и братцкую любовь и докончанье (договор.— П. Б.) учинити и на всякого б недруга нам стояти за один и утвердити и закрепить навеки»⁴³. Итак, предложение шаха было встречено доброжелательно, но с осторожностью, ибо оно было сделано пока на словах. В ответной грамоте Москва предприняла шаг навстречу шаху Ходабендэ в вопросе о военном соглашении. Однако окончательное решение предусмотрительно откладывалось до последующих переговоров с великими послами от шаха. Они должны были прибыть в Москву вместе с русским посланником Васильчиковым. Возвращение на родину миссии Анди-бека как раз и связано с ответным посольством Г. Б. Васильчикова к шаху Мохаммеду Ходабендэ.

³⁷ По правилам Посольского приказа, в день въезда посольства в Москву прибывшим выдавалась двойная норма «корма» и «питья», в виде вина, разного рода медов, пива, кваса.

³⁸ ЦГАДА, л. 77, оп. 1, 1588—1593 гг., кн. 1, лл. 169об.—170об.

³⁹ Там же, лл. 178—180.

⁴⁰ Там же, л. 105.

⁴¹ Там же, лл. 72, 72об.

⁴² Там же, лл. 1об., 2об.

⁴³ Там же, лл. 3—3об.

В средневековой Руси дипломатические миссии делились на великие посольства (с великими послами), посольства (послы) и легкие посольства (посланники). Были еще гонцы. Обычно они везли грамоту от государя к другому государю и не вели ответственных дипломатических переговоров, хотя случались и исключения из этого правила. Легкое посольство Г. Б. Васильчикова выехало из Москвы во второй половине апреля 1588 г. в составе 50 чел., включая нескольких купцов. Посольство состояло из посланника, его помощника — подьячего А. Монастырева, двух толмачей, трех кречетников, сопровождавших кречетов — подарок царя шаху, конвоя из 16 стрельцов и обслуживающего персонала. 26 июня Васильчиков и Анди-бек со своими людьми прибыли в Астрахань. На преодоление расстояния в 3312 км им потребовалось около 70 дней. Их путь пролегал по рекам Москве, Оке, Волге, через города Коломну, Переславль-Рязанский, Касимов, Муром, Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын.

В Астрахани Васильчиков узнал, что шах Ходабендэ свергнут его сыном Аббас-Мирзой в мае 1587 года. А грамоты царя были адресованы шаху Ходабендэ. Однако инициативный Г. Б. Васильчиков нашел выход из создавшегося положения. Посоветовавшись с астраханскими воеводами Ф. М. Троекуровым «с товарищи», он записал в Статейном списке: «Се грамота, какову переписали на нового Аббас шахово имя в Асторохани»⁴⁴. Так как в те времена подлинность грамоты, удостоверялась восковым оттиском с государственной большой печати, накладываемой на прикрепляемую к грамоте бирку, «печать отнесли от другие государевы грамоты, которая послана о бологодети (с товарами.— П. Б.) в запас для турецких людей...»⁴⁵, — писал Васильчиков в Статейном списке.

29 июля 1588 г. посольство Васильчикова с Анди-беком на бусах (плоскодонных судах) выехало из Астрахани. Путешествие по Каспийскому морю до Гиляна было длительным и трудным. Бусы шли, придерживаясь берега. Из-за ветров и бурь кормщикам это не всегда удавалось, и тогда приходилось неделями блуждать по Каспию. Так, бусу Васильчикова гоняло по морю 36 дней. Только 8 сентября ее прибило к берегам Гиляна. Посольству пришлось здесь задержаться более чем на 2 месяца. Объясняется это не только таможенными придирками в отношении имущества и товаров посольства⁴⁶, но и тем, что отложившийся от шаха гилянский Ахмед-хан, считая себя самостоятельным государем, заставил русского посланника дважды быть у него на приеме и преподнести если не от имени царя, то от имени его шурина, подарки. Заслуживает внимания ответ Васильчикова на домогательства людей Ахмед-хана, добивавшихся от посланника, чтобы он выдал преподнесенные им свои подарки за царские. «Мне таких речей и слушать не надобно, — произнес Васильчиков, — не токмо так сделать..., чево и в разум не может вместица..., что холопу назвать свои поминки государевы поминки»⁴⁷. Договорились, что посланник подарит хану кречета якобы от имени Б. Годунова. Вопросы обеспечения русского посольства помещением, питанием и особенно перевозочными средствами для поездки в Казвин (около 250 км) отняли у Васильчикова много времени и энергии, так как гилянские власти неохотно удовлетворяли нужды посольства. Так, по поводу плохого помещения, отведенного русскому посольству в Лянгуре, Васильчиков говорил приставу и Анди-беку: «Ставите нас неведомо на каком дворе, где животина стояла и нам ныне пуши и ленгурскова безчестья и позор учинился и нам на том дворе никак не ставливатца и мы едем на поля и станем на поле, а в грязи нам для чего ставитца... [да] и рухляди положити [там] негде»⁴⁸. Наибольшие трения возникли вокруг вопроса об осмотре и переписи посольского имущества и багажа гилянскими

⁴⁴ Там же, лл. 1, 1об.

⁴⁵ Речь идет о запасной грамоте, которая выдавалась на случай захвата посольства турками для того, чтобы убедить их в том, что цель русского посольства заключается в возврате шахскому двору товаров царя Ивана IV, посланных в 1567 г. с купцами Першиным и Ивашевым.

⁴⁶ Товары как самого посольства, привезенные им для обмена на все то, что необходимо для проживания людей посольства на чужбине (своего рода валютный фонд), так и товары русских купцов, прибывших в Гилян вместе с посольством Васильчикова.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 77. оп. 1. 1588—1593 гг., кн. 1, лл. 42об., 44об., 45.

⁴⁸ Там же, лл. 58, 58 об.

таможенными властями. Невзирая на доводы Васильчикова о неприкосновенности посольского имущества, о «великом безчестьи» для посольства и царя, чего «ни в которых землях не ведетца», о неприменении подобных действий к шахским посольствам и к гилянским купцам в Астрахани, и предупреждения, что «то дело ... [по которому Васильчиков приехал] не порушилось бы»⁴⁹, — гилянские власти настаивали на своем, говоря, что так положено.

Поставленный перед фактом насильственного захвата таможенными властями имущества посольства, Васильчиков вынужден был заявить: «Мы [от] своей ружяди давно отступились только б... [отдали мне] государевы поминки, что посланы к шаху. Только б государь ваш велел нас пропустить к шаху не задержав»⁵⁰. Васильчиков дважды побывал у Ахмед-хана и вручил ему царскую грамоту с просьбой о пропуске русского посольства к шаху. Протурецки настроенный Ахмед-хан принимал русского посланника со всеми атрибутами самостоятельного восточного властителя. Он расспросил Васильчикова о целях посольства и, разумеется, сообщил об этом турецким властям в Баку. Только после приема у Ахмед-хана русское посольство получило от гилянских властей часть затребованных верблюдов и лошадей, недостающую же часть пришлось нанять на собственные средства. 3 ноября посольство через Менджильский перевал двинулось в Казвин. Горная дорога была трудной. Верблюды и лошади едва преодолевали 30 верст в день, иногда шли и ночью. Через 7 суток посольство прибыло в селение Даамут. Здесь его встретил мехмандар (официальное лицо, назначаемое для сопровождения иностранного посольства), присланный из Казвина. В 6 верстах от столицы Васильчикова приветствовал Махмуд Султан — представитель шахского двора. Он проводил русское посольство до дома, предназначенного для него. Махмуд Султан сообщил, что шах Аббас находится в Хорасане, где руководит военными действиями, а когда вернется — неизвестно. Подробно расспросив посланника о задачах посольства и о подарках для шаха, он выразил удовлетворение, узнав о возможности получения военной помощи от Русского государства. У Васильчикова создалось впечатление, что Махмуд Султан, как и многие его соотечественники, недоволен поведением победителей — членов турецкого посольства, прибывшего для мирных переговоров с шахом Аббасом об окончании ирано-турецкой войны⁵¹.

Пообещав передать шаху все, что он узнал от русского посланника, Махмуд Султан предложил ему ждать в Казвине приезда Аббаса. Однако вскоре Васильчиков стал замечать недостаточное внимание местных властей к посольству. В первую очередь это сказало на обеспечении его продовольственных нужд. С большим трудом оно получало кормовые деньги, к тому же с перерывами и в недостаточном размере. В Статейном списке Васильчиков писал, что на 50 чел. посольства казвинские власти отпускали по одному туману⁵² на день, тогда как турецкому посольству на 20 чел. — 3 тумана⁵³, то есть в 7 раз больше. До приезда шаха Аббаса в Казвин Васильчиков прожил в этом городе и в Исфагане⁵⁴ почти 5 месяцев. Он неоднократно и настойчиво требовал направить его к шаху в Хорасан или же отправить обратно в Москву, если шах, говорил Васильчиков Махмуд Султану, «не хочет... со государем нашим... дружбы»⁵⁵. Между тем русский посланник провел это время не без пользы. Он и члены его посольства встречались с местными людьми и основательно познакомились с состоянием дел в Сефевидском государстве. Васильчикову стало ясно, что длительное уклонение шаха от встречи с ним объясняется его переговорами с турецким посольством и что именно эти переговоры имеют

⁴⁹ Там же, лл. 36—39, 55 об., 56.

⁵⁰ Там же, лл. 55 об., 56.

⁵¹ Там же, лл. 71—77 об.

⁵² В те времена туман равнялся 8—10 рублям.

⁵³ ЦГАДА, ф. 77, оп. 1, 1588—1593 гг., кн. 1, л. 71.

⁵⁴ Отправка части посольства в числе 10 чел. в Исфаган якобы для встречи там с шахом Аббасом и присутствие Васильчикова там с 18 февраля по 23 марта были, очевидно, средством несколько отвлечь русского посланника от его бесцельного и длительного пребывания в Казвине в ожидании шаха. Это непонятное распоряжение вызвало со стороны Васильчикова протесты, к сожалению, безрезультатные. Он должен был подчиниться, добившись лишь увеличения сопровождавшей его свиты на 2 человека.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 77, оп. 1, 1588—1593 гг., кн. 1, лл. 79—81.

для шаха первостепенное, причем более важное, значение, нежели встреча с русским посольством.

Только 9 апреля 1589 г., то есть через 7 месяцев после приезда посольства в Иран, шах Аббас принял Васильчикова. Аудиенция у шаха не совсем соответствовала нормам дипломатического церемониала, принятого в Москве. Этим вопросам Посольский приказ уделял большое внимание, требуя от своих послов, чтобы они на чужбине добивались аналогичных условий приема. Васильчикову пришлось проявить решительность, настаивая на должном приеме в шахском дворе. Он потратил 4 дня на то, чтобы добиться аудиенции в городе, а не «на стане». Спор доходил до угрозы отказа от встречи с шахом «в поле на коне». Васильчиков говорил ближним людям шаха: «Мне к шаху не хаживать..., хотя надо мною и силу велит учинить, велит к себе привести [на] сильно а [сам] учнет сидеть на коне, и мне речи никак не говаривать и грамоты не давывать..., хотя бы меня шах казнить велел»⁵⁶. Русскому посланнику удалось добиться согласия шаха на аудиенцию в городе. И все же условия первой аудиенции у шаха Аббаса, данной им русскому посольству, Васильчиков признал неудовлетворительными.

В Статейном списке он отмечал его недостатки: во-первых, русского посланника не встречали во дворе и во дворце; во-вторых, Аббас не встал при передаче Васильчиковым поклона от царя Федора шаху; в-третьих, шах не принял лично царской грамоты из рук посланника, а велел ее взять у него своему приближенному. Однако свою речь к шаху Васильчиков «выговорил» полностью. Как и было сказано в грамоте, он говорил от имени царя об обращении за военной помощью к нему шаха Ходабендэ и с предложением отдать взамен Дербент и Баку, и что царь Федор желает установить дружбу с шахом и готов вести совместную борьбу против турок. Затем были вручены подарки. В ответной речи шах поблагодарил за подарки, особенно за кречетов, и сказал: «Которые речи говорил еси (ты.— П. Б.) нам от своего государя о городах Баке и о Дербени, что ныне за турским [султаном] и мы тех городов брату своему, государю вашему поступаем и хотенья государя вашего все исполним и отпускаем тебя вскоре, и своих послов о тех о всех делах ко государю вашему посылаем с тобою вместе, и хотим з братом своим со государем вашим быти в дружбе и в любви и в братстве и в соединенье мимо всех государей»⁵⁷.

В ответе шаха заслуживает внимания его согласие на передачу России Дербента и Баку. О заключении союзного договора шах не сказал ни слова, ограничившись общей фразой «о соединенье», то есть об объединении. Это соответствовало планам шаха немедленно заключить мирный договор с Турцией. В 1588—1589 гг. были приостановлены военные действия между Турцией и Ираном, а в марте 1590 г. подписан мирный договор. Обещание же шаха о передаче Дербента и Баку не выходило за пределы вежливого, но нереального обещания пойти навстречу царю в передаче ему городов, находившихся в руках турок. И вместе с тем шахский двор хотел установить дружественные отношения с могучим северным соседом, потенциальным союзником в борьбе против турецкого султана. К тому же переговоры с Москвой были крупным козырем для шахского двора в переговорах с турками. От традиционного угощения после шахского приема Васильчиков отказался, мотивировав это постом у христиан. Но вечером посланник был «на потехе» у шаха. Развлечение состояло в том, что гости ходили «по рядом гулять», то есть лицезрели богатства купцов и их диковинные товары в торговых рядах казвинского базара. 19 апреля Ферхат-хан, один из ближайших лиц шаха Аббаса, пригласил Васильчикова к себе. Попытка русского посланника завязать беседу, начав с вопроса о привлечении тарковского шамхала к военным действиям против турок в Северном Дагестане, как и тема об антитурецких тенденциях среди европейских держав не вызвали со стороны Ферхат-хана поддержки. В ответ он ограничился двумя словами: «Донесу шаху»⁵⁸.

На этом переговоры закончились. 14 мая 1589 г. русскому посланнику была дана отпуская аудиенция. В Статейном списке сохранился лишь перечень подарков, преподнесенных шахским двором Васильчикову, подьячему Монастыреву, двум толмачам и другим лицам посольства. Васильчикову шах подарил аргамака «во всем наря-

⁵⁶ Там же, лл. 101 об.—108 об.

⁵⁷ Там же, лл. 109 об.—111.

⁵⁸ Там же, лл. 115 об.—119 об.

де», с отделкой седла, узду с кованым серебром «золочено с камнем... да на Григорья положил два платна золотных» и другие подарки. Подьячему, толмачам, трем кречетникам, 16 стрельцам и трем слугам посланника было поднесено: первым трем «по кафтану по атласному з золотом...», а остальным по камчатному и кутняному (ткань из шелка и бумаги) кафтану. В подаренном шахском платье им всем велено было быть на отпускнуой аудиенции у шаха. Видимо, Васильчиков вынужден был выполнить требование шаха. В Статейном списке записано лишь, что церемония приезда ко двору шаха была «по прежнему... шах сидел в том же месте под навесом... шах звал Григорья к руке и на Григорья клал руку». То же шах сделал и в отношении Монастырева и толмачей. Шахская «отпускная» речь была повторением речи от 9 апреля⁵⁹.

Помня о наказе своего правительства, Васильчиков поставил перед шахом Аббасом вопрос, отдаст ли он Дербент и Баку, если «без государя нашего рати те города возьмешь»? Шах ответил утвердительно, говоря, что из дружбы к царю «хотенья... [его] никоторого не оставляю [только] рать бы, брат наш, под те города, под Баку и под Дербень прислал безо всякого сумленья, а мы учнем на недруга своего, на турецкого потому ж с своей стороны приходити»⁶⁰. Так шах Аббас, собираясь заключить мир с турками, не только приглашал русское правительство выступить против Турции, но и обещал сам воевать с ней. Очевидно, это следует понимать лишь как дипломатический маневр, как разговор, ни к чему не обязывающий, но полезный иранской стороне по резонансу в турецком лагере. Поэтому шах с удовлетворением отметил, что у него есть сведения о появлении русской рати под Дербентом (60 тыс. чел.) и постройке русского военного городка в селении Будаг⁶¹. Аббас подчеркнул, что «то учинилося от брата нашего первая любовь» и что в этом видит он желание царя «на турецкого с нами стоять заодин»⁶². Васильчиков пытался убедить шаха в том, что до заключения ирано-русского военного соглашения астраханские воеводы едва ли пошлют войска под Дербент. Аббас же утверждал, что сведения его верны. Очевидно, он рассчитывал, что такие «вести» помогут ему в нелегких переговорах с турками. Васильчиков оказался прав. Никакой русской рати под Дербентом не было.

Ответ шахского двора на грамоту, врученную Васильчиковым, привез в Москву шахский посол Бутак-бек (1589—1590 гг.). В грамоте имелись заверения шаха «в дружбе и любви», а в отношении Дербента и Баку, вопреки обещанию шаха Аббаса, сказано было, что этими городами «мы поступаемся, а вам бы счастьем своим тех городов доступить (завоевать.— П. Б.), а мы вашему величеству не токмо те города стояти (уступать.— П. Б.) хотим с вами вперед в дружбе и в любви и в ссылке быти без урыву»⁶³. Иными словами, пусть русские войска сами отвоевывают у турок Дербент и Баку.

После отпускнуой аудиенции посольству Васильчикова потребовалось 2 недели на сборы. Выхало оно из Казвина 28 мая без почетных проводов и без снабжения «кормом» на дорогу. В начале июля Васильчиков посетил Ахмед-хана, в беседе с которым не скрыл сути переговоров с шахом Аббасом. Он отдавал себе отчет в том, что все это дойдет до Стамбула, так как понимал двойную игру шахского двора и то, что русско-иранские переговоры могут быть полезны и Казвину и Москве, ставя турецкого султана перед перспективой объединения двух его противников. Только через месяц, дождавшись шахских послов Бутак-бека и Анди-бека, посольство Васильчикова смогло выехать из Гиляна⁶⁴. Ахмед-хан воспользовался случаем и направил в Москву своего посла Хаджи Хасана (в Москве его считали входящим в состав шахского посольства).

Перед отъездом из Гиляна местные купцы предупредили Васильчикова, что нужно «ити морем бережно»: турки хотят из Баку перехватить судно русского посольства. Предупреждение было принято к сведению. Кормщик старался держаться по-

⁵⁹ Там же, лл. 121 об.—122; 1588—1589 гг., кн. 2, л. 7.

⁶⁰ Там же, 1588—1593 гг., кн. 1, лл. 122 об.—123 об.

⁶¹ Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб. 1890, стр. 97.

⁶² ЦГАДА, ф. 77, оп. 1, 1588—1593 гг., кн. 1, лл. 124, 124 об.

⁶³ Там же, лл. 186—188

⁶⁴ Там же, лл. 126 об., 127—136.

дальше от западного побережья Каспийского моря. На 20-й день пути их прибило к туркменскому восточному побережью, «к Китагской горе в Нижние Турмении». Здесь 20 июля местные жители напали на судно посольства. Всем, находившимся на бусе, грозила одинаковая судьба — смерть в бою или плен и продажа в рабство. В Статейном списке сказано: «Григорей с стрельцы и со всеми людьми с туркменскими людьми билися и на бусу [их] не впустили..., [только] от бусы... сандал (большая весельная лодка. — П. Б.) с парусом и с якорем отбили. И на бусе в том бою ранили подъячего Офонася Монастырева да стрелца Иванка Быкасова, да дву[х] человек гребцов». 31 июля нападение повторилось. «Григорей с кизилбашские послы и стрелцы и со всеми людьми билися много время и... многих людей побили и от бусы их отбили»⁶⁵. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не поднялся ветер и не понес бусу по волнам Каспия. По дороге от Култука встретили в море гиянскую бусу, и «гиянский торговый человек Хозя Магметъ» рассказал Васильчикову, как их захватили турки и привели на остров Рудонос (Руинас. — П. Б.), где находился «бакинский воевода со многими людьми». У острова стояла и «другая катарга да струг с нарядом (артиллерийское орудие. — П. Б.)». Турецкий паша расспрашивал гиянцев, когда поедут из Гияна русские послы. Его проезда они «ждут лето все и по ся место (поныне. — П. Б.)...»⁶⁶, — заявил турецкий паша. После почти полуторамесячного странствования по Каспийскому морю оба посольства 14 августа прибыли к устью Волги, а 28 августа — в Астрахань⁶⁷. 14 сентября 1589 г. посольства Васильчикова и Бутак-бека выехали по Волге в составе большого каравана под охраной 1 100 стрельцов. 23 декабря они прибыли в Москву.

Первое русское посольство в Сефевидское государство потратило на все путешествие 21 месяц. Из них только на дорогу туда и обратно — 11 месяцев. Путь по Ирану отнял туда и обратно 4 месяца. 5 месяцев Васильчиков ожидал приема у шаха Аббаса. Свое 10-месячное пребывание в Сефевидском государстве русский посланник использовал с большой пользой. Он установил добрососедские отношения с Сефевидским государством, изучил и правильно понял основную линию внешнеполитических связей шахского двора с соседними государствами, в первую очередь с Османской империей, Крымским ханством. Васильчиков уяснил, что предложения иранской стороны о заключении с Русским государством антитурецкого военного соглашения нельзя было принимать в тот момент всерьез, так как первостепенная задача шаха Аббаса заключалась в немедленном, на любых условиях, прекращении войны с Турцией. Русскому посланнику удалось добиться от шахского двора письменного подтверждения о передаче Русскому государству Дербента и Баку за военную помощь, которая предоставлялась в виде военного противодействия проходу в Иран турецких войск и крымско-татарской конницы через границу на Тереке. Русское посольство добилося признания шахским двором целесообразности постройки русскими во владениях вассального Ирану тарковского шамхала (южнее Терека) военных городков-крепостей с гарнизоном из русской рати «с вогненным боем» в таких пунктах, как Сунжа и Койса, а также молчаливого признания шахским двором договора 1587 г. о протекции московского царя над кахетинским царем Александром II.

Так к началу 90-х годов XVI в. между Ираном и Русским государством установились регулярные дипломатические сношения, содействовавшие в дальнейшем развитию экономических и политических связей двух стран и укрепившие их добрососедские отношения.

⁶⁵ Там же, лл. 135 об.—137 об.

⁶⁶ Там же, лл. 137 об., 138.

⁶⁷ Там же, лл. 138—139.